

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
В ГОСУДАРСТВЕ: ПРАВОВАЯ ОНТОЛОГИЯ
И РАЗМЫШЛЕНИЯ АВТОРА ПО ПРОЧТЕНИИ МОНОГРАФИИ
ПРОФ. В.Д. ЗОРЬКИНА
“ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПРАВА И РАЗВИТИЕ РОССИИ”¹

© 2015 г. Николай Михайлович Добрынин²

Аннотация: статья подготовлена в качестве отклика по прочтении недавно увидевшей свет монографии Председателя Конституционного Суда РФ, проф. В.Д. Зорькина “Цивилизация права и развитие России”. Всецело разделяя взгляды авторитетного коллеги, автор акцентирует внимание на ключевых вопросах правовой модернизации Российского государства. Отмечается значимость адекватной правовой реакции как на внешние вызовы, стоящие перед страной в контексте глобализации, так и на внутренние неразрешенные проблемы и накопившиеся за годы реформ противоречия. Особенно подчеркивается важность сохранения и укрепления нравственных оснований права в России, разработки стройной юридической теории и развития на ее основе сложившейся системы российского права, стержневым элементом которой являются Конституция РФ и отрасль конституционного права. В поддержку мнения проф. В.Д. Зорькина делается вывод о том, что без политико-правовой модернизации у России нет будущего.

Annotation: this paper is prepared as author's reflection on the newly presented monograph “Civilization of Law and development of Russia” by prof. V.D. Zor'kin, Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation. Supporting the views expressed by the authoritative colleague, author highlights the basic issues of the legal development in today's Russia. Author notes the significance of the relevant legal solutions as for the external challenges which Russia faces in the context of globalization as for the internal unresolved problems and collisions accumulated during the years of reforms. He underlines especially the importance of improvement for the moral basics of Law in Russia, as well as the significance of elaboration of the consistent legal doctrine and of development on its basis for the traditional system of Russian Law focused around the Constitution and Constitutional Law. Supporting the opinion of prof. V.D. Zor'kin, author argues that Russia has no future out of the legal and political development.

Ключевые слова: модернизация, правовое развитие, юридическая теория, глобализация, нравственность, суверенитет, национальные интересы.

Key words: modernization, legal development, legal doctrine, globalization, ethics, sovereignty, national interests.

Разговор о юридическом быте современной России, безусловно, требует комплексного, многомерного представления о самых разных областях общественно-политического устройства нашей страны, о состоянии правовых реалий, в которых она развивается. Конституция России, принятая более двух десятилетий назад, по многим позициям продолжает оставаться идеалом, достижение которого в современных условиях все чаще и чаще подвергается сомнению различными исследователями, а также общественными и государственными деятелями.

Не случайным в этой связи является то обстоятельство, что все мы сегодня стали свидетелями

огромного числа исследований и публикаций самого различного толка, в которых подчеркнута отстаиваются ревизионистские взгляды, а читателям иногда вкрадчиво, а порой и весьма прямолинейно предъявляется мысль о необходимости коренного изменения общественно-политического устройства России. Чем чреват подобный “творческий” ревизионизм, наша страна, наше общество знают не понаслышке: Россия на протяжении всего периода ее (без преувеличения) многогрозной истории вынесла достаточное количество “испытаний на прочность”, каких никто не пожелал бы даже своему врагу. Это обстоятельство должно являться ключевым фактором для отказа на современном этапе от любых попыток ревизионизма, фактором, истоки которого со всей очевидностью коренятся в народной памяти, в памяти поколений.

Сегодня у России в рамках избранной ею более двух десятилетий назад траектории право-

¹ См.: Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 320 с.

² Профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук (E-mail: belyavskaya@partner72.ru).

вого развития может быть лишь *один верный и исторически оправданный путь: это – путь постепенной, планомерной и методичной политико-правовой модернизации, путь, исключаящий любые ревизионистские настроения и в то же время учитывающий потребности общества в обеспечении в конкретно-исторических условиях баланса конституционных ценностей*. В этой связи представляется чрезвычайно своевременной и глубокой по содержанию недавно увидевшая свет монография проф. В.Д. Зорькина “Цивилизация права и развитие России”.

Автор книги совершенно точным образом характеризует современную ситуацию, в которой находится сегодняшняя Россия, когда указывает, что “встающие перед нами вызовы, как и в эпоху предыдущей холодной войны, являются системными – политическими, информационно-пропагандистскими, экономическими и даже, не исключено, военно-стратегическими. Несомненно и то, что нынешняя Россия по демографическому, экономическому, оборонно-мобилизационному потенциалу и кругу союзников гораздо слабее, чем в предыдущую эпоху противостояния советского и западного блоков. Несомненно и то, что эти вызовы нарастают в условиях продолжающегося и глубоко затронувшего Россию глобального системного – не только экономического – кризиса.

В сфере нашей профессиональной компетенции и ответственности находится такой аспект этого кризиса, как размывание и ослабление эффективности правовых регуляторов. Это проявляется как в самых разных сферах социальной жизни (социокультурной, экономической, политической и так далее), так и на разных уровнях регулирования (национальном, международном, глобальном)... Причем... этот кризис особенно глубоко затронул Россию в силу беспрецедентных в мировой истории масштабов и темпов ее постсоветской политической, экономической и социальной трансформации. ***Мы находимся не просто в ситуации глобальной исторической турбулентности, а в самом ее эпицентре*** (выделено нами. – Н.Д.)” (с. 6).

Отмеченные в приведенном суждении обстоятельства и факторы есть ярчайшее объяснение того, почему сегодня в России любой мало-мальски думающий человек все чаще размышляет (не может не размышлять!) о судьбах своей страны как с точки зрения процессов, происходящих внутри нее, так и в контексте глобальных тенденций, отчетливо обнаживших свое недружественное отношение к России в последние год-полтора. И здесь на повестке дня в первую очередь стоит вопрос о государственном суверенитете, о необходимости

его сохранения, обеспечения его незыблемости. Именно поэтому проф. В.Д. Зорькин в своей работе отмечает: «В мире, вступившем в эпоху глобализации, стало объективно трансформироваться и размываться понятие национально-государственного суверенитета. Даже такой патриарх мировой дипломатии и сторонник баланса силы суверенных национальных держав, как Генри Киссинджер, несколько лет назад вынужден был констатировать, что “идет замена международной системы, появившейся в результате Вестфальского мира, на новую, созревающую систему”» (с. 268, 269).

Хорошо это или плохо – однозначно сказать невозможно; так же, как невозможно предугадать и то, приведут ли процессы глобализации в конечном счете к установлению такого миропорядка, при котором необходимость сохранения принципов Вестфальского мира естественным путем “канет в Лету”. Пока что мы имеем возможность наблюдать, как в международной практике повсеместно “сильный” принуждает “слабого” к проведению нужной (согласованной с “сильным”) политической линии, а в среде государств – членов таких конфедеративных образований, каковым является в нынешнем виде Европейский Союз, то и дело звучат сравнения этого объединения с Советским Союзом, в котором формально суверенные и полноправные союзные республики фактически были лишены “права на самостоятельную политику”.

Пожалуй, вряд ли кто-либо станет возражать, что глобализация неизбежно ведет к усилению межкультурной коммуникации разных наций, при этом на уровнях, как правило, недостижимых для правового нормирования и официального государственно-властного воздействия. Подобное стало возможным вследствие прежде всего всеобъемлющего развития информационно-коммуникативных технологий и сервисов в современном мире, существенного роста доступности данных технологий для населения, а также фактического устранения барьеров в виде государственных границ для обмена не только экономическими ценностями, но и информацией.

Перед каждым государством мира (и Россия не является исключением) нарастает проблема сохранения и укрепления незыблемости своего государственного суверенитета и национальных интересов.

В выступлении 24 октября 2014 г. на заседании Международного дискуссионного клуба “Валдай” Президент РФ В.В. Путин, обращаясь к указанной проблеме, отметил: “В мире накопилось множество противоречий... К сожалению, гарантий,

уверенности, что существующая система глобальной и региональной безопасности способна уберечь нас от потрясений, нет. Эта система серьёзно ослаблена, раздроблена и деформирована. Непростое время переживают международные и региональные институты политического, экономического, культурного взаимодействия»³.

Взыскательный анализ всем известных угроз, выделяемых в мировом сообществе как следствие глобализации, приводит нас к следующим неутешительным выводам, имеющим далеко идущие последствия:

первый вывод, каждая из угроз (не говоря уже о сценарии их совмещенного, синергетического осуществления) по масштабу своих потенциальных последствий затрагивает в пределах, условно говоря, «потерпевшей» нации практически все стороны общественной жизни;

второй вывод, как правило, характер и механизм распространения любой из этих угроз если и не исключает возможность для любого и каждого из государств справиться с ними в одиночку, то, как минимум, предполагает гораздо большую эффективность именно совместных действий государств по предотвращению, пресечению и ликвидации угрожающих инцидентов.

Актуальная проблема сохранения действительного (а не только формального) государственного суверенитета и соблюдения национальных интересов стала рассматриваться с позиции того, какие именно из объективно существующих угроз способны нанести ущерб российской государственности, и что необходимо предпринять для кооперации и взаимодействия с другими суверенными государствами, в том числе и в форме создания международных институтов регулирования и межгосударственной координации.

Вновь обращаясь к взглядам нашего авторитетного коллеги, укажем, что в одной из своих более ранних работ проф. В.Д. Зорькин по данному поводу абсолютно справедливо отмечает: «В начале XXI в., особенно после событий 11 сентября 2001 г.⁴, возникла самая серьезная угроза существ-

вованию миропорядка, созданного суверенными государствами, а значит, и самим основам конституционного устройства суверенных государств. Существующую международную систему атакуют, ссылаясь прежде всего на неспособность национальных государств гарантировать права человека и обеспечить эффективное управление в условиях глобализации.

Жизнь, однако, показывает, что отказ от суверенитета одних – на практике лишь укрепляет суверенитет других, присваивающих себе право действовать во имя «всеобщих» интересов»⁵.

Становится очевидным, что эти происходящие в планетарном масштабе процессы так или иначе воздействуют на все или почти все стороны общественной жизни людей, ассоциирующих себя с определенными национальными (суверенными) государствами.

Разумеется, в такой ситуации вопросы сохранения и укрепления государственного суверенитета Российской Федерации, которая, в отличие от многих малых и молодых государств, не вправе позволить себе (в том числе и в контексте своей исторической миссии) поступиться хотя бы толикой своей самостоятельности и самобытности, должны решаться сквозь призму соблюдения национальных интересов страны.

Президент РФ В.В. Путин акцентировал внимание на последствиях отмеченного им дисбаланса: «Начался период разночтений и умолчаний в мировой политике. Под давлением правового нигилизма шаг за шагом сдавало свои позиции международное право. Объективность и справедливость приносились в жертву политической целесообразности. Юридические нормы подменялись произвольным толкованием и пристрастными оценками. При этом тотальный контроль над глобальными средствами массовой информации позволял при желании белое выдавать за черное, а черное за белое.

В условиях доминирования одной страны и её союзников, или, по-другому сказать, сателлитов, поиск глобальных решений зачастую превращался в стремление навязать в качестве универсальных собственные рецепты. Амбиции этой группы возросли настолько, что вырабатываемые в её кулуарах подходы стали преподноситься как мнение всего мирового сообщества. Но это не так.

Само понятие «национальный суверенитет» для большинства государств стало относительной величиной. По сути, была предложена формула:

³ Стенограмма выступления Президента РФ В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/news/46860>

⁴ Здесь ученый имеет в виду один из крупнейших в истории человечества террористических актов, при котором вследствие намеренного направления пассажирского авиалайнера в высотное здание оказались полностью разрушены обе башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, а число погибших составило около 3 тыс. человек.

⁵ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 663.

чем сильнее лояльность единственному центру влияния в мире, тем выше легитимность того или иного правящего режима»⁶.

Сказанное президентом означает не только необходимость соблюдения и реализации национальных интересов России, а подразумевает в том числе (и прежде всего) дальнейшее укрепление интегративной роли конституционного права как ключевой, системообразующей отрасли российского права и вообще российской правовой традиции; одновременно это и признание того, что Россия, ее правовая система и лежащая в ее основании отрасль конституционного права в своем дальнейшем развитии, безусловно, ориентированы как на поддержание и укрепление общепризнанных принципов и норм международного права, сложившихся к настоящему времени, так и на имплементацию новых механизмов и подходов паритетной и сбалансированной международно-правовой координации национальных интересов всех суверенных государств.

Право как важнейший регулятор общественных отношений не может всякий раз приноситься в жертву под предлогами политической, хозяйственной, административной или любой другой целесообразности: пренебрежение верховенством (можно сказать, незыблемостью авторитета) права, являющегося мерилom и одновременно выражением общественных представлений о гражданском мире и согласии, социальной справедливости, нравственном и безнравственном, способно стать причиной настоящих трагедий в сотнях и тысячах человеческих судеб.

Однако проблема политико-правовой модернизации в России, ее движения к цивилизации права далеко не исчерпывается вопросом об устойчивости ее государственного суверенитета, соблюдения ее национальных интересов в межгосударственном общении. Это, безусловно, – важный фактор и условие сохранения российской государственности в контексте внешних вызовов и рисков; но не меньшей значимостью обладает и вопрос о внутренних, происходящих в пределах России процессах, определяющих способность страны взять, обращаясь к метафоричному термину В.Д. Зорькина, “правовой барьер”.

По нашему глубокому убеждению, проф. В.Д. Зорькин совершенно справедливо отмечает: “Именно в рамках права, на пути формирования

правового и одновременно социального государства нам надо искать соединение традиции общности, общности и коллективизма с правом как формой свободы индивида.

Таким образом, на данном историческом этапе Россия должна построить не просто правовое государство. Это должно быть *правовое и социальное* государство. Именно так можно определить главное направление правового развития России. Только на этом пути наша страна сможет противостоять сложным вызовам современного мира, сохранить свою идентичность в условиях глобализации и найти достойное место в процессе общечивилизационного развития человечества” (с. 44).

В данном контексте нельзя не обратиться к мысли о том, что построение *правового и социального* государства возможно лишь при условии, что право в стране становится воплощением общеправового принципа справедливости, средоточием нравственных оснований жизни общества, а закон является только правовым. В противном случае мы неизбежно сталкиваемся с ситуацией, когда принимаемые законы не работают, не реализуются должным образом, поскольку не находят “*точки опоры*” в социокультурных ценностях российского народа, не получают должного и адекватного отклика в умах людей.

Эту простую для понимания, но в то же время крайне сложную в практической реализации мысль сформулировал еще Ш. Монтескье, который в трактате “О духе законов” писал: “Законодатель должен сообразоваться с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением”⁷.

По абсолютно точному замечанию проф. В.Д. Зорькина опять же можно было бы “привести множество высказываний современных философов и социологов, подчеркивающих, что право может быть действительно лишь в той мере, в какой ему удастся получить социальное признание (Пьер Бурдьё), что право должно быть способно доказать собственную легитимность в глазах граждан, обладающих во всех других отношениях разными взглядами (Юрген Хабермас) и т.д. Вряд ли кто-то будет сейчас спорить с тем, что эффективной является такая правовая система, которая обеспечивает легитимность правоустановления и правоприменения (включая толкование закона) в глазах большинства населения” (с. 16).

⁶ Стенограмма выступления Президента РФ В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба “Валдай” по теме “Мировой порядок: новые правила или игра без правил?” (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.).

⁷ Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 261.

Здесь, разумеется, в первую очередь на повестке стоит вопрос о нравственных основаниях права, его соотношении с моралью. Сегодня ни для кого не секрет, что человечество в целом сталкивается с серьезнейшей проблемой ослабления роли социальных регуляторов. Мораль, отражением которой выступает общественная нравственность, в этом смысле подпадает под еще большее негативное влияние, чем право: когда основания социальной солидарности оказываются под сомнением в силу признания личности, ее индивидуальности и уникальности высшей ценностью, человеческое эго, вне всякого сомнения, подавляет тысячелетиями формировавшиеся этические императивы. Не замечать этой проблемы означает ни больше, ни меньше – движение по пути социальной дезинтеграции, с которой даже право со временем будет уже не в состоянии справиться.

Нравственный, морально-этический регресс общества, конечно же, является не столько риском недостижения в обозримом будущем идеала цивилизации права, сколько вообще прямой угрозой любому правопорядку, пусть и самому несовершенному.

Профессор Г.В. Мальцев по данному поводу в одной из своих последних работ с полным основанием отмечал, что «правовые элементы гораздо лучше, чем моральные, работают в механизмах социального контроля, так же как и “калькулирования” жизненных успехов. Моральные обязательства считаются сегодня менее надежными, чем юридические обязанности, необходимость исполнения которых гарантируется правом, законом и судом», однако истинные “цели социального регулирования могут быть достигнуты лишь при скоординированном развитии систем моральных и правовых норм в едином направлении, которое определяется ценностями общества. Странно, что эту очевидную закономерность... не замечают многие современные политические деятели и законодатели, полагающие, что ослабление моральных регуляторов не такая уж большая беда, что упадок морали может быть компенсирован за счет активизации средств правового регулирования, массового принятия законов... Без морально-ценностной поддержки либо объективно действующий против морали закон ничего не исправляет, сам становится деструктивным фактором в обществе”⁸.

Обращаясь к более ранним философским источникам, обнаруживаем, что, например,

⁸ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. Изд. 2-е. М., 2009. С. 88, 89.

А.Н. Радищев еще в XVIII в. писал: “Чем народ имеет нравы непорочнее, простее, совершеннее, тем меньше он нужды имеет в законах. Но чем больше они повреждены и удаляются от простоты, тем большую нужду имеет он в законах для восстановления рушившегося порядка”⁹.

Следуя логике совершенно верно обозначенного проф. В.Д. Зорькиным магистрального направления политико-правовой модернизации России – построение *правового и социального* государства (с. 44) и в очередной раз осмысливая проблему соотношения права и закона, сложно удержаться от параллелей с ситуацией, сложившейся в России в преддверие революционных событий 1917 г. Например, не утратили, увы, своей актуальности и для современной России слова известного конституционалиста В. Набокова, произнесенные им в 1912 г.: «Тщетно чтут законность, попирая ее на деле. В русской жизни это поправление – всем язвам язва. Она заражает весь государственный организм, ежеминутно давая о себе знать, развращая и властвующих, и подвластных... Наиболее общим результатом такого положения является то неуважение к закону, при готовности устами славословить его, которым проникнута вся администрация снизу и доверху... Последние годы характеризуются каким-то возведением этого неуважения в принцип, им как-то щеголяют, открыто подчеркивая, что законы и законность всегда и бесспорно должны отступать перед требованиями “государственной целесообразности”... Противовесом этому злу могла бы служить деятельность суда, восстанавливающего действие закона во всех случаях его нарушения, – суда независимого, нелицеприятного, свободного от политики, не считающегося ни с чем, кроме велений закона, и ставящего своей первой и главной задачей доведение торжества этому закону. Есть ли у нас такой суд?»¹⁰.

И здесь, казалось бы, многое в круге задач политико-правовой модернизации России становится ясным: есть Конституция страны – она и является отправным моментом и фундаментом всего юридического быта современной России.

Но это – лишь первый взгляд: российская Конституция, каким и должен быть Основной Закон государства, есть документ всеобъемлющий, стержневой для всей системы российского права, но потому и не предполагающий детального

⁹ Радищев А.Н. Избр. философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 548.

¹⁰ Цит. по: Крусс В.И., Кузьмин А.Г. Понятие, основные предпосылки и факторы конституционализации российской судебной системы // Проблемы права. 2014. № 3 (46). С. 32.

регулирования каждой из затрагиваемых ею сфер общественной жизни.

В этом неявном “противоречии” конституционных ценностей с наличной правовой реальностью и кроется, по нашему глубокому убеждению, причина столь частых призывов переписать Конституцию России, начать всё с “чистого листа”, реализовать идею *tabularasa*. Те, кто опрометчиво вносит подобные предложения, руководствуются тем, что онтологическая дистанция между “записанным” в Конституции страны и правовой реальностью говорит о том, что именно Конституция России “из рук вон” плоха.

Но, вновь обращаясь к суждениям проф. В.Д. Зорькина, приходит понимание того, насколько он снова прав, когда говорит, что, “не научившись жить по плохой Конституции, нельзя научиться жить по Конституции вообще” (с. 55).

Правовая реальность в ее многочисленных деталях, хорошем и плохом, достоинствах и изъянах создается не только Конституцией страны, но и законами, подзаконными нормативными актами. Зададимся закономерным вопросом: насколько все наши современные законы и подзаконные акты хороши? Насколько они проникнуты идеями приверженности конституционным ценностям? Сколько из них могут считаться правовыми?

Как бы отвечая на сформулированные нами вопросы и высказывая разгромную критику в адрес апологетов *tabularasa*, проф. В.Д. Зорькин чрезвычайно точно констатирует и здесь же задается вопросами, имеющими фундаментальное значение для политико-правовой модернизации современной России: “Рано или поздно нам придется восстанавливать право. Причем, именно на общечеловеческом уровне. И вот когда мы вернемся к построению права как одной из основ подлинно человеческого бытия, мы обязательно должны будем задаться вопросом, а не находится ли в основе основ нынешнего бесправия принцип табула раса, не лежит ли в его основе какая-то ужасная теоретическая ошибка, породившая перерождение современной западной цивилизации? Или по крайней мере поспособствовавшая этому перерождению?” (с. 188).

Действительно, сегодня, будучи проникнуты идеей прагматизма права, мы настолько отделились от его истоков, от его философии, что почти позабыли о том, что нет ничего практичнее хорошей теории. Идущие в нашей стране на протяжении более двух десятилетий реформы стали уже, если говорить прямо, нескончаемыми. И это тоже не способствует тому, чтобы осмыслить накопленный “багаж” приобретений и ошибок,

случившихся за этот самый сложный период на юридическом поприще, осмотреться, сформулировать наиглавнейшие и неотложные задачи на ближайшее и отдаленное будущее. Гораздо проще сказать, что российская Конституция плоха, совершенно не задумываясь о том, что Основной Закон нашей страны всё дальше и дальше от заложенных в нем идеалов, возможно, именно потому, что у нас плохое качество законов и подзаконных актов, и потому, что они не подкреплены в достаточной степени стройной, внутренне непротиворечивой и, если уместно так выразиться, “изящной” юридической теорией, прежде всего конституционно-правовой теорией, теорией современного российского конституционализма. *Разработка такой теории – важнейшее условие стабилизации всей правовой системы России, проведения внятной систематизации российского права в контексте новых исторических вызовов и рисков, а значит, и ключевой фактор политико-правовой модернизации государства.*

Однако, как бы это ни казалось парадоксальным с учетом того времени, в течение которого существует отрасль конституционного (государственного) права в нашей стране, сегодня мы не встретим единодушия в ученом мире даже по ключевым вопросам одноименной отраслевой юридической науки; достаточно яркое тому подтверждение – неутихающие споры о предмете отрасли конституционного права. Вполне допускаем, что разнообразие научных точек зрения, высказанных по проблеме предмета отрасли конституционного права России, является позитивным моментом, отражающим уровень активности исследований в области конституционно-правовой проблематики в целом. К тому же обилие теоретических взглядов, сформулированных к настоящему времени в отношении предмета конституционно-правового регулирования, не означает существования между разными точками зрения непреодолимых различий: напротив, все они так или иначе оперируют идеей о том, что конституционное право регулирует основы: основополагающие отношения, фундаментальные устои, базовые, ключевые принципы и ценности, – и этот понятийный ряд мог бы быть еще продолжен.

Но в этом как раз и заключается вся сложность выработки единообразного научного подхода к определению предмета отрасли конституционного права: указать, что оно регулирует основы, не означает дать ответ на вопрос о том, что именно считать основами (фундаментом, базисом), а что – конкретикой, подлежащей детальному правовому регулированию в рамках других отраслей права.

Профессора Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин, например, разграничивая понятия предмета (объекта) конституционно-правового регулирования и объекта конституционного регулирования, пишут: “В конституции есть только общая схема взаимосвязей индивида (человека и гражданина), коллективов, государства и общества... Та детализация, которая есть в тех или иных конституциях, отражает чаще всего лишь традиции народа, обычаи той или иной страны, а иногда преходящую ситуацию. Чем меньше будет в основном законе преходящих норм, тем стабильнее будет конституция. Однако, с другой стороны, из конституции нельзя делать схему общих положений. При таком подходе она не сможет выполнять свою организующую и регулирующую роль. Важно соблюдать меру, необходимые пропорции”¹¹.

Не сомневаемся, что *поиск этих пропорций, оптимального соотношения между основным и детальным, общим и частным – насущная задача современной науки конституционного права России*. От однозначности ее решения зависит не только устойчивость представлений о самой отрасли конституционного права, но и стабильность вообще системы российского права.

Наблюдаемое сегодня отсутствие единодушия среди российских ученых в определении предмета конституционно-правового регулирования часто приводит не только к выбору законодателем недостаточно эффективных, а порой и ошибочных, методов правового воздействия на те или иные области общественных отношений, не только к многократному возрастанию объема нормативного материала и подчас отсутствию его внутренней согласованности, но и к негативным результатам в юридической науке, в том числе и к появлению своего рода “сепаратных” концепций, направленных на ревизию столетиями сформировавшейся систематики российского права.

Поддерживая мнение проф. С.А. Авакьяна, который убедительно доказывает безосновательность и отсутствие перспективы практического применения во многом надуманных или почерпнутых из западной юриспруденции концепций “новой” систематизации российского права в современных условиях¹², следует, однако, признать, что тесное переплетение в реальной жизни общества разных аспектов какого-либо определенного, взятого для исследования явления подчас способно приводить к размытию традиционных

рамков и границ предметных областей, а также и тех отраслей российского права, которые считаются сложившимися и существование которых никем из специалистов не оспаривается. ***В случае же с отраслью конституционного права поиск баланса между основным и детальным, общим и частным в регулировании самых разных сфер общественной жизни вообще становится “вечным” вопросом права***, ибо этот баланс даже если и может быть когда-либо теоретически или эмпирически обнаружен, всегда будет актуален лишь для конкретной страны, конкретной нации и для конкретных исторических условий жизни общества.

В этой связи контекст проблемы предмета отрасли конституционного права серьезно меняется, а сложившаяся к настоящему времени система российского права начинает представляться не столь безупречной. Поэтому естественным продолжением дискуссии о предмете отрасли конституционного права России (или о предмете конституционно-правового регулирования) является анализ вопроса о возросшей подвижности отраслевой систематизации российского права в целом.

Следует отметить, что тенденция к вычленению “новых”, все более дробных, отраслей в рамках предмета некогда сложившихся эволюционным путем отраслей права, которые сегодня считаются традиционными, характерна не только для отечественной конституционно-правовой науки, но и для других отраслевых юридических наук. Достаточно вспомнить такие “вновь появившиеся” отрасли, как спортивное право, военное право, инвестиционное право, энергетическое право, информационное право и ряд других. Сегодня весьма редко можно встретить и какую-либо кандидатскую диссертацию по юридическим наукам, в которой не подвергался бы ревизии вопрос об отраслевой принадлежности исследуемых в ней правовых норм, институтов и отношений и не предлагалось бы урегулировать соответствующую сферу ни больше, ни меньше специальным законом, притом законом, как правило, федеральным. Думается, что авторы таких исследований, нередко не имеющие необходимого практического и жизненного опыта и вслед за западными учеными весьма либерально относящиеся к проблеме структурирования права, часто не в полной мере учитывают как достижения, привнесенные в юридическую науку нашими предшественниками – русскими дореволюционными и советскими классиками юриспруденции, так и основные каноны юридической техники.

¹¹ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2007. С. 75.

¹² См.: Авакьян С.А. Конституционное право России. Учеб. курс. Учеб. пособие. В 2-х т. Т. 1. М., 2014. С. 60–63.

Вместе с тем в этой складывающейся в отечественной юриспруденции ситуации нельзя упрекать только исследователей, особенно начинающих, которые в своем стремлении привнести в юридическую науку нечто новое поднимают вопросы о пересмотре сложившейся системы российского права, но нередко не дают либо не находят на них однозначного ответа. Любое исследование правовой проблематики при всем многообразии доступных исследователю методов научного познания прежде всего отталкивается от современной автору картины мира. В этой связи постоянно усложняющаяся практика общественной жизни, взаимопроникновение различных элементов одних сфер в другие и в самом деле приводят с учетом традиционных критериев разграничения отраслей права – предмета и метода правового регулирования – к стиранию, размытию некогда весьма жестких границ между ними.

В таких условиях в более или менее отдаленной перспективе вектор развития представлений о систематизации российского права во многом предопределен: с течением времени практический смысл выделения отдельных отраслей права именно по традиционным критериям предмета и метода правового регулирования будет стремиться к нулю, а право, будучи социальным феноменом и развиваясь по законам исторической спирали вместе с социумом, так или иначе совершит возврат к своему генетически предопределенному делению на право публичное и право частное.

Этой тенденцией объясняется то, что в последнее время в работах, посвященных исследованию юридической проблематики, в том числе в исследованиях философского характера, всё чаще используется соответствующая терминология, а нередко приводятся и весьма любопытные обоснования деления права только на право публичное и право частное без строгого, формального отграничения друг от друга отраслей права, входящих в то или иное из указанных двух подразделений (разделов) права.

Справедливости ради следует отметить, что происходящее усложнение общественной жизни, приводящее к описанным выше метаморфозам в систематизации российского права и ставшее в наши дни уже настолько ощутимым, что нет никакой возможности считать его юридически незначимым, становилось предметом набирающих силу дискуссий в среде еще русских дореволюционных классиков юриспруденции.

Так, один из видных русских юристов К.Д. Кавелин, размышляя о соотношении публичного и частного начал в регулировании гражданских

правоотношений, отмечал следующее: “Нет ни одного частного юридического отношения, которое не подпадало бы под определение закона или по форме, или по содержанию, а определение законом, что это, как не выражение общественной потребности в виде общего, обязательного правила? Я могу покупать и продавать, но не все, что мне вздумается: есть вещи, которые продавать и покупать запрещается; я могу договариваться, но тоже не обо всем: есть действия, о которых договариваться не дозволено; я могу давать в ссуду и занимать, но опять-таки не совсем свободно: закон о росте или процентах ставит моему произволу и в этом отношении известные пределы... Во всем этом выражается, что частное не совсем так далеко от публичного, не так отделено от него китайской стеной, как многие готовы думать; будь это так, закон – орган публичных нужд и потребностей – и не подумал бы определять и ограничивать частные юридические отношения”. Подытоживая, автор заключает: “Итак, внимательно просмотрев все части гражданского права, нельзя найти ни одной, в которой бы шла речь исключительно об одном частном, приватном; в каждой непременно оказывается очень много такого, что по своему значению, влиянию, роли имеет публичный, общественный интерес, касается более или менее общества, государства... В действительности область приватного, частного интереса не отделяется резкой чертой от общественного, публичного; но если бы когда-нибудь такое отделение и могло состояться, оно принесло бы совсем не те плоды, какие ожидаются, а напротив, сделало бы частную жизнь и приватные юридические отношения несносными и невозможными”¹³.

Следуя приведенной логике и хрестоматийной сентенции древнеримского классика Ульпиана, сформулировавшего применительно к современной ему правовой системе отличия публичного и частного права, несложно прийти к выводу о том, что в основании публичного права лежат публичные интересы, а в основании частного права – польза отдельных лиц. И если уж в рамках такой генетически предопределенной дихотомии права происходит постоянное взаимопроникновение публичных и частных начал правового регулирования, то нет ничего удивительного в том, что наблюдается сегодня в российской юриспруденции: в рамках более дробной системы российского права с его отраслями, подотраслями и институтами подобное взаимопроникновение выглядит еще более детерминированным и закономерным.

¹³ Кавелин К.Д. Избр. произв. по гражданскому праву. М., 2003. С. 67, 76.

В результате проблема предмета конституционно-правового регулирования, как и вопрос о необходимости ревизии сложившейся системы российского права, получают принципиально иное измерение и практический смысл, в том числе делая объяснимым процесс конституционализации отраслей российского права и усиление публично-правовых начал в регулировании общественной жизни, происходящее в контексте вызовов глобализации и зарождающегося информационного общества.

Таким образом, обозначив в ходе предшествующих размышлений онтологический масштаб и глубину исторического контекста столь необходимой для современной России политико-правовой модернизации, нельзя не согласиться с суждением проф. В.Д. Зорькина: “Без правовой

модернизации у России нет будущего”! (с. 69). Действительно, “дело модерна – это великое дело, требующее и исторической воли, и исторического терпения, и исторического разума, наконец. Наш идеал – соединение власти и свободы на основе права как единственного мерила свободы. Идти к этому идеалу можно, только сочетая либеральные меры и сильную власть” (с. 74, 75).

Завершим логику наших размышлений о судьбах политико-правовой модернизации России, присоединяясь к сказанному проф. В.Д. Зорькиным, известными выражениями одного из ярчайших умов человечества – Цицерона о том, что, *если мы хотим быть свободными, необходимо стать рабами законов*, и Вольтера, который считал, что *свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов*.